

Марина завернулась в плед и уютно устроилась в широком кресле возле торшера с книгой в руках. Открыла нужную страницу, глаза смотрели на строчки, а мысли были не здесь.

— Марьяша!

— Да.

— На меня посмотри.

«Марьяша», — так ее называла только Катя, и Марине это очень нравилось.

— Марь-яя-шаа, — еще раз перекатились в мыслях ласковые звуки ее голоса.

У Кати был нежный, но очень глубокий, почти мужского тембра голос. Маринка всегда удивлялась, как в стройном небольшом теле может помещаться такой глубины голос?

— Марьяша...

Маринка даже обернулась, ей почудилось вдруг, что за спиной стоит Катя, но там была только стена.

Познакомились они на пляже.

Вокруг была масса народа. Все сутились, дети возились в песке. Кто-то кого-то звал, справа смеялась многочисленная компания, слева чем-то вечно недовольная жена упрекала мужа, изо всех сил стараясь не привлекать чужого внимания. Но делала это так демонстративно, что добивалась прямо противоположного результата. Маринка пыталась отвлечься от сути, но сил не хватало абстрагироваться совсем — она ото всюду ловила разные звуки, и мозг упорно пытался составить из них цельную картинку, что в принципе было невозможно, а точнее, просто не нужно.

Нешадно палило солнце, вода в море была настолько теплой, что казалась липкой. Ну не задался сегодня день, вот с самого утра не задался. Бывает такое, случается. Выходя из вязкой, омерзительно теплой воды, Мариша решила вернуться в гостиницу, там был кондёр, и завалиться в кровать с книжкой. Казалось, что день можно скинуть в мусорку.

Маринка сгребла в охапку полотенце с лежака и резко развернулась. Вот если бы Катя была чуть выше, они бы столкнулись лбами, а так только слегка соприкоснулись телами в купальниках. От столкновения у обеих на миг перехватило дыхание.

— Привет, — первой в себя пришла Катя, — чего резкая такая? Что-то случилось?

Вопрос обескуражил.

— Да нет, ничего, просто уйти хотела. Прости, я как-то не заметила.

— Не парься, все нормально, я сама виновата, вечно попадаю под ноги.

Катя улыбнулась, а Марина, сразу поймав необычный тембр голоса, поняла, что в душе что-то сдвинулось. Суeta пляжа подернулась дымкой, а они вдруг оказались внутри звуконепроницаемого кокона и остались только вдвоем среди всего бушующего мира.

— Я Катя.

— Марина, прости еще раз, что толкнула.

— Забей, пойдем, кофе выпьем. Здесь так суетно сегодня, впрочем, как и всегда.

Устроились за столиком в открытом кафе. Заказали мороженое и кофе. Марина все время пыталась поймать взгляд Кати, чем-то он ее манил. А Катя будто пыталась сбежать, но при этом постоянно оставалась рядом.

Марина редко сходилась с женщинами, ей всегда больше нравилось мужское общество. Но

эта хрупкая, ниже на полголовы и, кажется гораздо моложе девочки, чем-то притягивала. Мозг опять начинал выстраивать картинку, которая явно не соответствовала действительности. Махнув на все рукой, Маринка поплыла по течению. Интересно же, в конце концов.

Странно, что разговор в кафе куда-то уплыл, видимо, в теплое, липкое море. А может, его и не было. Или память, как обычно, вычеркивает все мелкое, ненужное, оставляя главное на закуску.

Так или иначе, Марина ощущала свое тело в душе в номере гостиницы. Рядом была Катя. Сверху лилась прохладная вода. Кайф в нескончаемой жаре. И темно-карие глаза, что смотрели снизу вверх. Катя...

— Марьяша, на меня посмотри!

И нежные пальчики, что вдруг прикоснулись к телу.

Катя со знанием дела вела ладонью снизу. Колени, внутренняя сторона бедра, ребром ладони между половых губ, чуть касаясь клитора... Марина задохнулась от неожиданности. Никогда, никогда такого еще не было. И вдруг захотелось. Прижаться всем телом, отдать себя в эти ласковые, женские, нежные, но требовательные руки.

От Кати исходил еле уловимый, но очень осозаемый запах. Так пахнут лепестки розы, брошенные в горячую воду. Сначала резко, потом чуть-чуть, потом запах совсем растворяется, остается только послевкусие.

Ух ты! Это что-то... Что? Марина не знала, но отдавалась манящей новизне, плыла по течению. Прочь сомнения! Есть глаза, которые на тебя смотрят. Темно-карие, бесовские, шальные, улыбающиеся. А сверху — струи освежающей воды.

И Марина расслабилась, перестала думать, наконец, перестала ловить знаки. То ли хотелось что-то попробовать, то ли темно-карие глаза ее так гипнотизировали, то ли Катя обладала какой-то неведомой властью над душами. То ли просто жара доконала.

В какой-то момент Катя прижалась с ее спине, и Марина почувствовала сквозь струи воды небольшие холмики грудей и твердые соски. Катя будто скатилась вниз, прочерчивая сосками две прямые линии по спине. Новые, необычные ощущения захватили сознание Марины.

Сами собой снялись барьеры, их не стало. Отпусти тело, оно само найдет свой путь. Марина так и сделала. Но не тут-то было. Катя уловила момент, остановила все прикосновения и решила по-своему. Окончательно захватив власть, она решительно вытащила Марину из душа, нежно обернула полотенцем, накинула халат на себя и всех уложила на кровать.

Марина оказалась на спине, а Катя уселась сверху так, что их клиторы соприкоснулись. Маринка любила свое тело, знала себя, часто ласкала самые потайные места, ей это нравилось. Но откуда знала Катя?

Прочь мысли, хватит думать! Пусть случится то, чего никогда не было. И Марина закрыла глаза. А Катя вдруг наклонилась вперед и откуда-то из-под подушки вытащила повязку на глаза.

— Доверься мне, больно не будет, обещаю, — снова этот завораживающий голос.

И Марина доверилась. Глаза закрыты повязкой, ощущения обостряются. Чувствуется Катино дыхание. Она поднимает руки Марину вверх, сводит их вместе и стягивает чем-то, кажется это ремешок или пояс от платья. Скатывается вниз, поднимает ноги, согбая в коленях, и разводит их в стороны.

— Не шевелись, я сейчас.

Маринка замерла, прислушиваясь к своему телу. Оно пело, горело, трепетало. Что это? Желание или страх неизведанного? Внизу живота было горячо, вверх по телу поднималось возбуждение, хотелось прикоснуться к себе, но побеждало любопытство — а что будет дальше. Катя снова усилась сверху так, что согнутые в коленях ноги Марины прижимали ее вперед. И вдруг губы Марины коснулась что-то холодное и влажное. Это был кубик льда. Маринка аж язык высынула, пытаясь поймать нежные пальчики Кати и живительную влагу.

Катя провела кубиком по губам, подбородку, спустилась в ложбинку на шее и пошла вниз. Между грудей, один сосок вокруг, он тут же встрепенулся, второй. Лед таял, соприкасаясь с горячим телом, и стекал тонкими струйками вниз. Это невероятно возбуждало. Марина замерла в ожидании, ей казалось, что все происходит не с ней, она вдруг увидела это со стороны, но возвращаться в реальность не хотелось. Хотелось большего, хотелось продолжения.

Катя как-то вдруг оказалась между ног Марины, прижавшись всем телом к левой, и Марина почувствовала ее пальцы у себя внутри. Нет, не было ласки, не было прелюдий, просто пальцы внутри, прижатые к верху, к той точке, до которой она сама никогда не могла дотянуться. И палец на клиторе. Рука Кати начала равномерно двигать рукой, вперед-назад, вперед-назад...

— Если хочешь, кричи, — издалека прозвучала фраза.

Маринка потянулась навстречу руке, почти насадилась на нее и охнула, выгнулась, застонала. В этом момент Катя впилась губами в ее клитор. Такого оргазма Марина еще не испытывала. В полной темноте она улетала. Не было тела, не было комнаты, кровати, Кати, не было реальности. Вокруг была всепоглощающая пустота, бездна, бездна наслаждения.

Очнулась Марина от того, что ей в рот всунули пальцы. Те самые, что только что ее трахали. И Марина облизала их, чувствуя вкус собственных соков.

И тут же ощущила другой вкус, новый. И запах. Тот самый — лепестков розы, брошенных в кипяток. Катя села ей на лицо, подставив свои губки. И Маринка с наслаждением приняла эту конфетку. Она впилась в губы, всасывая их, вытягивая влагу изнутри, ласкала нежный бугорок, стараясь вернуть удовольствие, только что испытанное самой. Катя умело руководила своим телом, не прижимая, но давая насладиться в полной мере.

Маринка не столько почувствовала, сколько ощущила оргазм Кати. Она была более сдержанна, спокойна, но количество влаги вдруг увеличилось, и Маринка со вкусом ее вылизала. Вот кто бы еще вчера ей об этом сказал!

Повязка вдруг исчезла.

— Марьяша, на меня посмотри!

Марина с трудом сфокусировала взгляд на темно-карих, искрящихся глазах. Катя улыбнулась и нежно прильнула к ее губам, снимая пояс, стягивающий руки Марины.

Только что властная и неукротимая Катя вдруг свернулась калачиком под боком Марины, прижалась всем телом, мягким, нежным. Ее дыхание касалось кожи и было таким ласковым. Но Катя оставалась Катей... Она вдруг заговорила. Ох уж этот глубокий мужской тембр...

— У тебя парень есть?

— Вроде есть

— Что значит вроде?

— Не знаю. Он как бы официально есть. Мы с ним вместе, родители что-то там думают. А я не знаю.

— Понятно. Душа молчит.

— Ну, вроде того.

— А чего не бросишь?

— И что? Одна останусь.

— Дурочка, одна не останешься, всегда кто-то будет рядом. Вот только зачем они? Себя слушай. Кто тебе другие? У них своя жизнь, у тебя своя.

— Да вроде замуж пора.

— А оно тебе надо?

— Не знаю, наверное.

— Вот когда поймешь, тогда и замуж пойдешь. Короче, все равно тебе решать. Другой никто не сделает.

Катя была резкой, на первый взгляд, но потом ее слова вдруг обрели смысл, когда Марина вспоминала их снова и снова.

Они были вместе три дня. Гуляли, разговаривали, купались в море. И конечно, ласкали друг друга. Эти ласки оставляли особенный вкус на губах, несравнимый ни с чем. Они будто были единым целым, две половинки одного яблока.

Потом Марина улетала домой. Катя провожала.

— Ты будешь помнить меня. Но не парься. Живи. Ты можешь!

Марьяша задремала в кресле, книга с колен скатилась на пол, а душа улетела в неведомые дали, где все было иначе.

Белая руна упала на скатерть, Белая руна — начало конца, Белая руна — начало начала, Белый лист, там, где можно писать. Белый лист, на котором начнется всё снова. Радость, сиянье, любовь, Светлый день, и открыты окно И душа, что готова для счастья. Я закрылась для боли, я ушла в никуда. Белая руна упала на скатерть, Новый путь открывая своей белизной. Будто скатерть взметнулась, Окно заслоняя, от боли и горя, От слез и потерь. Я готова к концу, я готова к началу, Белую руну готова писать. Красок нежных немного добавить. Где-то розово-черных, а тут голубых, Синего в угол мазнуть ненароком, Желтого в центр и красного в край. Пусть засияет бесцветная ткань! Белая руна упала на скатерть, Белая руна — начало конца, Белая руна — начало начала. Путь озаряет своей пустотой.

Диана Тим Тарис